

Litera

Правильная ссылка на статью:

Куц Н.В. — Е. Ф. Розен против славянофильства: две статьи о «Московском сборнике» 1847 г. // Litera. – 2023. – № 12. – С. 96 - 102. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.12.69230 EDN: TETLOE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69230

Е. Ф. Розен против славянофильства: две статьи о «Московском сборнике» 1847 г.

Куц Николай Викторович

аспирант, кафедра истории русской литературы, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ nikolaikuts@yandex.ru

[Статья из рубрики "Журналистика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2023.12.69230

EDN:

TETLOE

Дата направления статьи в редакцию:

04-12-2023

Дата публикации:

11-12-2023

Аннотация: Предметом исследования является восприятие бароном Е. Ф. Розеном – поэтом, драматургом и критиком, автором либретто к опере М. И. Глинки "Жизнь за царя" (1836) – идей славянофильства и панславизма во второй половине 1840-х гг. Объектом исследования послужили две анонимные рецензии на славянофильский "Московский литературный и ученый сборник", вышедший в 1847 г., об авторстве которых объявил сам Розен в ходе печатной дискуссии с С. П. Шевыревым по поводу вышедшей в том же году книги Н. В. Гоголя "Выбранные места из переписки с друзьями". В качестве материала также привлекаются и другие печатные выступления Розена на страницах газеты "Северная пчела" и журнала "Сын отечества". Основные методы исследования: герменевтический и культурно-исторический. Тексты Розена рассматриваются в связи с общественно-политической обстановкой 1840-х гг. Научная новизна исследования

заключается во введении в научный оборот двух ранее не атрибутированных Розену текстов. Основные выводы проведенного исследования таковы: 1) в 1847 г. Розен относился к идеям славянофильства и панславизма резко отрицательно, но в 1848 г., по-видимому, на фоне известий о революциях в Западной Европе, сближался со славянофилами в рассуждении об особом начале русского народа, "неразмышляющем чувстве нравственности", противостоящем западноевропейскому рационализму; 2) расхождения Розена со славянофилами объяснялись его просветительским "западничеством", опиравшимся на Н. М. Карамзина и А. С. Пушкина; 3) определенный отпечаток на взгляды Розена накладывала официальная идеология николаевского царствования; 4) мощную цивилизующую роль барон отводил самодержавному правительству.

Ключевые слова:

Розен, Шевырев, Погодин, Хомяков, славянофильство, литературная критика, полемика, Пушкин, Карамзин, Аксаков

Барон Егор Федорович Розен (1800–1860) – поэт, драматург и критик, в 1830-е гг. бывший довольно близок к Пушкину – к началу 1840-х гг. утратил связи с пушкинским окружением. Большая часть их оборвалась вскоре после смерти великого поэта, в чем признавался сам Розен в статье 1847 г. «Ссылка на мертвых»: «Смерть посредника развязала узел моих сношений с его друзьями и приятелями» [\[6, с. 271\]](#). Непросто в это время складывались отношения Розена и с его московскими знакомыми: М. П. Погодиным, С. П. Шевыревым и А. С. Хомяковым, – с которыми Розен познакомился в 1828 г., участвуя в «Московском вестнике» [\[5, с. 2402\]](#). Шевырев был постоянным корреспондентом Розена на протяжении 1830–1840-х гг., в переписке с Погодиным еще в 1841 г. барон делился замыслом трагедии о царевице Алексее Петровиче («Борьба Петра с сыном – такой сюжет, на который можно бы положить всю жизнь свою» [\[1, с. 15\]](#)) и хвалил погодинского «Петра», но к концу 1840-х гг. Розен окончательно отдалился от круга московских приятелей.

Принципиальные разногласия между ними выявились в ходе дискуссии Розена с Шевыревым по поводу гоголевских «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1847). Она велась на страницах «Северной пчелы» и «Сына отечества», в которых в это время сотрудничал Розен, с одной стороны, и журнала «Москвитянин» – с другой. В ходе полемики выяснилось, в частности, что Розен был автором двух анонимных рецензий на славянофильский «Московский литературный и ученый сборник», вышедший в 1847 г. Свое авторство подтвердил сам Розен, не без основания полагавший, что негативное отношение к нему Шевырева было вызвано неудовольствием по поводу суровой критики его «Истории русской словесности» в «Сыне отечества» [\[9, с. 227\]](#). Статья об издании лекций Шевырева, опубликованная в журнале в январе 1847 г. вместе с редакционным вступлением о критике, написанным Розеном, не имела подписи, и в кругу «Москвитянина» в ее авторстве подозревали разных лиц: Шевырев – Н.И. Надеждина, Погодин – Розена. Но, вопреки ожиданиям Розена, его отречение от этой статьи и признание в авторстве рецензий на «Московский сборник» только подлило масла в огонь: Шевырев в полемическом ответе замечал, что узнал об этом «с сокрушением», и что никогда не считал прежнего друга способным писать такие рецензии [\[11, с. 110\]](#).

Обратимся теперь к тексту статей о «Московском сборнике», помещенных в №№ 9 и 10

«Сына отечества» за 1847 г. и проясняющих историософские взгляды Розена. В них критик последовательно разбирает ученые и литературные статьи и полемизировал с основными положениями славянофильства, или «московской схоластики», как называл это течение сам Розен. Понятие «московская схоластика» он трактовал довольно широко, подразумевая под ним как основные идеи славянофильства и панславизма, так и присущее «Москвитянину» «гоголефильство», на которое нападал барон.

Как в позднейших статьях о творчестве А. А. Бестужева-Марлинского и о повести К. К. Павловой «Двойная жизнь», Розен восстает против идеи о «мысленном и бытовом раздвоении» русского общества, разрыве – по К. С. Аксакову – между «публикой» и «народом» и заключает: «Мнимый славянизм – совершенно одинокое, разобщенное явление, не возбуждающее ни малейшего участия в нашей публике. <...> Общество не вразумляется и вразумиться не может в толки этого славянизма и считает их чистомечтательными. <...> Никакая славянская диалектика не уверит нашего общества, что оно оторвано от народа» [\[7, с. 2\]](#).

В Петре Великом Розен видит выразителя «духовной жизни и гигантской нравственной силы» русского народа, демиурга, который «проникнул Русь своим бессмертным гением» и «соделал ее способною совершать все великое и прекрасное, ожидаемое славянофилами», – и представляет его явление как вознаграждение за века скудного умственного и политического развития Руси, как конечный результат древней истории русского народа, без которого она была бы, как пишет Розен, «тягостна для нашего чувства», хотя и производила таких мужей, как «Иоанн III, Борис Годунов, Алексей Михайлович» [\[7, с. 4–5\]](#). Розен сравнивает славянофилов, отрицающих такой взгляд на Петра, с евангельскими книжниками и фарисеями, не признававшими Христа и упорствовавшими «в безрассудных ожиданиях *другого* исполнения завета» [\[7, с. 5\]](#). Славянофилы, по Розену, «также не видят, что «уже был славянский полубог и положил вековые основания, на которых уже полтора века столь чудесно висится ум и сила нашего отечества» [\[7, с. 5\]](#).

Обнаруживая в сборнике сильные панславистские тенденции – в «Письмах из Вены» Н. Ригельмана и статье Погодина о Праге, – Розен высказывается о них с особенным неприятием, считая их чуждыми русскому народу западнославянскими веяниями. По поводу наблюдения Погодина, сравнившего девиз «одной чешской партии»: «Мы не славяне, а чехи!», – с подобными суждениями в России, он замечает: «Можем ли мы не дорожить именем Святой Руси перед тою мелкопоместною славянщиною, центром которой называете вы чешскую Прагу? Просвети Бог сего ультра-славянофила!» [\[7, с. 14\]](#). Рассуждая, что южные и западные славянские народы – это «частицы, которые, конечно, по воле Провидения, не вошли в состав великого мира славянского, называемого *Россиєю*», Розен показывает себя пангерманистом [\[4, с. 14\]](#): он полагает, что западно- и южнославянские народы рано или поздно «предназначены слиться с миром германским, без сомнения, для пользы сего последнего», так же, как «частицы германского мира» присоединены к России «не без какой-либо благой вышей цели» [\[7, с. 14\]](#).

В русле имперской идеологии и в связи с собственным культурным самоопределением Розен широко трактует понятие национальности. Заметив в статье А. Попова «Шлецер. Рассуждение о русской историографии» подспудное неприязненное отношение к немцам, он пишет: «Нам всегда жаль, когда видим мелочное, сокровенное неблаговоление к тем иностранцам (по рождению или фамилии), которые, вписавшись со славою в русскую историю, суть не только *русские*, но и занимают место между *лучшими* природными

русскими. И что же такое *природные* русские? Русская земля не родила ни одного русского; народ не создан, как человек, из глыбы земли, но составлен и продолжает составляться из скопления разнородных племен, принявших и принимающих одну общую форму, называемую национальностью. <...> Нет и не может быть относительно русской народности никакого различия между теми, которые одинаково служат русскому царю, едят русский хлеб, говорят и пишут русским языком и действуют для славы и пользы России. Зависть к так называемому не-русскому – недостойна величия нашего отечества» [7, с. 14-15].

Подробно комментируя статью А. С. Хомякова «О возможности русской художественной школы», Розен отмечает, что она «отличается решительно эксцентрическим славянофильством» [7, с. 7]. В возражениях Розена на тезис Хомякова о народном характере искусства заметны классицистические симпатии: «Искусство, в своей чистоте, есть атрибут общечеловеческого, по теории, извлекаемой из всей истории художеств. За исключением только одного народа – эллинского – у всех других народно-индивидуальное в искусстве есть только частная, в истории художеств, конечно, интересная черта, но в отношении к идее и истинной цели их нечто излишнее, ошибочное» [7, с. 8]. Розен сожалеет, что ум и начитанность Хомякова применяются «исключительно к неосновательной постоянной идее славянофильства», и замечает об авторе статьи, переходя на литературную «личность», что «славянофильство соделало его в последнее время бесплодным относительно поэтического творчества», а жизнь в поместье с крестьянами не развила его литературного дарования: «Сколь бесплодно для искусства сие общение с народом, это подтверждает пример господина Хомякова, даровитого поэта, творившего прежде кое-что хорошее: с тех пор, как он сделался славянофилом, он – сколько известно – ничего не творит, а только мудрствует, благодаря европейскому образованию, без которого он был бы боярином времен Василия Темного и знал бы только свои права по местничеству» [7, с. 12].

В художественной части сборника Розен выделял стихи К. К. Павловой и Н. М. Языкова, находя последние «водяными», а первые – написанными без внутреннего поэтического побуждения только из желания «угодить славянофилам». Из всего обзора художественной стороны сборника наиболее примечательны возражения Розена на критику К. С. Аксаковым (под псевдонимом Имрек в «Трех критических статьях») повести В. Ф. Одоевского «Сиротинка» (о крестьянской девочке, воспитанной в петербургском приюте, вернувшийся в родную деревню и ставшей «учить добру крестьянских детей»). Розен замечал о «Сиротинке» Одоевского, что сюжет ее «до высшей степени» естествен: «Деревенское невежество невольно подчиняется влиянию крестьянства же, возрожденного воспитанием» [8, с. 18]. Он предполагал, что Аксаков, «оскорбившийся» этим произведением, является «горячим заступником деревенщины в первобытном виде ее» по той причине, что он «есть, вероятно, русский помещик, живущий и всегда живший в господском доме» [8, с. 18]. Считая, что «господин Имрек» не знает истинного положения дел в деревне, Розен обращается к собственному опыту жизни в крестьянских домах – на постое во время службы в гусарском полку, – «частенько вместе с земледельцем и семьей его». В очередной раз литератор опровергает мнение об оторванности дворянства – и в частности, самого князя В. Ф. Одоевского – от низших сословий и критикует замеченное им у Аксакова противопоставление «общества» и «народа»: «До сих пор мы думали, что собирательное имя народ содержит в себе все сословия народа, от крестьянина до князя-вельможи; но из слов господина Имрек <...> явствует, что под названием народа славянофилы понимают один только класс чернорабочих, и что он-то есть “могущественный хранитель жизненной великой тайны”»

[\[8, с. 19\]](#). Розен признавался, что сам, познакомившись «с этим классом» народа, полюбил «его прекрасные свойства и удивительные способности» и искренне считает русский народ «первым народом в мире», но подчеркивал, что, говоря о преимуществах русского народа, имеет в виду не один только «класс чернорабочих». В этой же антикритике Розен развивает идею о постепенном распространении просвещения от высших слоев общества к низшим: «Ни у кого в свете познание само собою не развивается, а надобно трудиться, учиться у того, кто больше знает и поэтому выше нас! Неучение – тьма! А великая тайна жизни дышит светом. <...> Благодаря отеческой попечительности правительства весь русский народ в непродолжительном времени будет грамотным; и тогда мы с вами потолкуем о классе чернорабочих» [\[8, с. 19\]](#).

Несмотря на принципиальные расхождения Розена со славянофильством, которое, как мы увидели, Розен критиковал с просветительских и «западнических» позиций, были и точки сближения, что позволило В. Э. Вацуру заметить, что в историософской концепции Розена совместились «элементы славянофильства и западничества» [\[2, с. 343\]](#). Так, Розен признавал самобытность исторического пути России, считая русский народ «выразителем всего славянизма», а в статье о творчестве А. А. Бестужева-Марлинского 1848 г. (по-видимому, в связи с известиями о революциях в Европе) вслед за славянофилами рассуждал об особом «жизненном начале» русского народа – «неразмышляющем чувстве нравственности», противостоящем западно-романскому рационализму. При этом мощную цивилизующую роль Розен отводил самодержавному правительству. Можно заключить, что как расхождения, так и схождения Розена со славянофилами объяснялись его специфическим «западничеством», ориентировавшимся на Пушкина и Карамзина, и зерна его идей следует искать скорее в конце 1820-х гг., чем в конце 1840-х гг.. Вместе с тем своеобразие представлений Розена о превосходстве русского народа над народами Западной Европы было обусловлено его собственной концепцией органичного соединения в русском народе «славянского» и «германского» начал.

Не менее показательным представляется и то, что Розен в возражениях на «Московский литературный и ученый сборник», по собственному признанию, «сошелся с мнением публики» [\[10, с. 26\]](#). Его суждения оценили даже в журнале «Отечественные записки», во всех других сферах враждебном «Сыну отечества» [\[3, с. 29\]](#).

Библиография

1. Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. 4. СПб., 1891. – 458 с.
2. Вацуру В. Э. Розен Егор Федорович // Русские писатели. 1800-1917: Биографический словарь. Т. 5. М.: Большая Рос. энциклопедия, 2007. С. 341-344.
3. <Дудышкин С. С.> Русская литература в 1847 г. // Отечественные записки. 1848. Т. 56. № 1. Отд. 5. С. 1-30.
4. Кацис Л. Ф., Одесский М. П. "Славянская взаимность": Модель и топика. Очерки. М.: Издательский дом "Регнум", 2011. – 314 с.
5. Куц Н. В. Е. Ф. Розен как сотрудник журнала "Московский вестник" и пропагандист русской литературы в Остзейском крае // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 8. С. 2401-2406.
6. Розен Е. Ф. Из статьи "Ссылка на мертвых" // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 2. М.: Художественная литература, 1974. С. 271-278.
7. <Розен Е. Ф.> Московский литературный и ученый сборник. Статья I // Сын отечества. 1847. № 10. Отд. 6. С. 1-16.
8. <Розен Е. Ф.> Московский литературный и ученый сборник. Статья II // Сын

отечества. 1847. № 10. Отд. 6. С. 1-22.

9. Розен Е. Ф. Ответ С. П. Шевыреву // Северная пчела. 1848, № 57 (12 марта). С. 227-228.

10. Розен Е. Ф. Письмо к "Москвитянину" от барона Розена // Сын отечества. 1848. № 7. Отд. 6. С. 19-31.

11. Шевырев С. П. Ответы // Москвитянин. 1848. № 4. Отд. критики. С. 105-125.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Е. Ф. Розен против славянофильства: две статьи о «Московском сборнике» 1847 г.», предлагаемая к публикации в журнале «Litera», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к вопросу о славянофильстве в 19 веке, развиваемого в статьях Е. Ф. Розена.

В свете ориентации на Европу в тот период развития нашей страны, данные статьи имели большой общественный резонанс и внесли определенную лепту в становление славянофильства.

Статья является новаторской, одной из первых в российской филологии, посвященной исследованию подобной тематики в 21 веке. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Все теоретические измышления автора подкреплены практическим материалом на русском языке. Из текста статьи не совсем ясен практический материал исследования, а именно автор не указывает объем отобранного языкового корпуса, методологию выборки и принципы обора. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Автор обращается, в том числе, к различным методам для подтверждения выдвинутой гипотезы. В статье также используются общелингвистические методы наблюдения и описания. Совокупность методов позволила систематизировать наработки предшественников и описать эмпирические данные. Данная работа выполнена профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. Исследование выполнено в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающуюся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. Отметим, что в вводной части слишком скудно представлен обзор разработанности проблематики в науке. Библиография статьи насчитывает 11 источников, среди которых теоретические работы исключительно на русском языке. Считаем, что обращение к трудам зарубежных исследователей по заявленной проблематике, несомненно, обогатило бы работу. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на фундаментальные работы, такие как монографии, кандидатские и докторские диссертации. Не соответствует требованиям ГОСТа оформление источников 3, 7, 8.

В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком. Опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности в тексте работы не обнаружены. Высказанные замечания не являются существенными и не влияют на общее положительное впечатление от рецензируемой работы. Работа является новаторской, представляющей авторское видение решения рассматриваемого вопроса и может иметь логическое продолжение в дальнейших исследованиях. Практическая значимость определяется возможностью использовать представленные

наработки в дальнейших тематических работах в области отечественного литературоведения. Результаты работы могут быть использованы в ходе преподавания филологических дисциплин на профильных факультетах. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Статья «Е. Ф. Розен против славянофильства: две статьи о «Московском сборнике» 1847 г.» может быть рекомендована к публикации в научном журнале.